

СМЕРШ
спецназ Сталина

БЕЛАЯ КРОВЬ ТАВРИДЫ

Александр Тамоников

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников
Белая кровь Тавриды

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Белая кровь Тавриды / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2023 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-189177-0

Самые интересные романы о сталинском спецназе – СМЕРШе. После отступления фашистов в Крыму возобновилась добыча поваренной соли. Однако озлобленные своей военной неудачей гитлеровцы намерены сорвать производство. Под видом снабженцев абвер забрасывает на полуостров опытных диверсантов. Они должны отравить готовую к отправке партию соли и взорвать оборудование. Обезвредить врага руководство СМЕРШа поручает отряду капитана Федора Белкина. Контрразведчикам удастся захватить одного из бандитских пособников. Полученные от него сведения заставляют капитана срочно менять план всей операции... «Смерть шпионам!» (СМЕРШ) – это короткое и беспощадное название носило особое подразделение НКВД, подчинявшееся И. Сталину. Созданное в годы войны, оно состояло из проверенных в бою, честных и бесстрашных офицеров Красной Армии. СМЕРШа боялись все – и фашистские лазутчики, готовящие диверсии в наших боевых порядках, и гитлеровские приспешники, действующие в глубоком советском тылу. Враг знал: если на его след напали бойцы сталинского спецназа, справедливого и скорого суда не избежать. Романы серии «СМЕРШ – спецназ Сталина» – это каждый раз увлекательный динамичный сюжет и новые исторические знания, это экшен, написанный простым и понятным языком.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189177-0

© Тамоников А. А., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Александрович Тамоников

Белая кровь Тавриды

© Тамоников А.А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

С давних времен основным полезным ископаемым в Крыму была соль. Да-да, та самая соль, без которой немислимо никакое блюдо, будь то обычная похлебка бедняка или нечто изысканное и роскошное, что красовалось на столах вельмож, ханов и царей. Без соли никогда не могли обойтись ни бедняки, ни цари. Оттого-то соль всегда именовалась «белым золотом», и в этом названии истины было гораздо больше, чем лирики.

Бывали такие времена, когда соль по своей стоимости и впрямь приравнивалась к золоту. И даже ценилась выше золота. В этом был очевидный и несокрушимый резон. Золотом, сколько бы его ни было, не приправишь ни бедняцкую похлебку, ни царское блюдо.

В разные времена именно соль составляла основное богатство тех держав, в состав которых входил Крым. Ее меняли на золото, она приносила неслыханную прибыль. Это было понятно и объяснимо. В европейской части России и на Украине соль добывалась в Крыму, и нигде больше. Во всяком случае, в промышленных масштабах. До сей поры существует устойчивое выражение «в Крым за солью». Нескончаемые вереницы телег, запряженных волами, круглый год двигались в сторону Крыма, загружались здесь солью и отправлялись обратно – в северные части России, на Украину и дальше, в Европу. Караваны, караваны... И караванщики те истари назывались чумаками. Это слово сохранилось до сих пор, хотя, конечно, далеко не все сейчас знают, что оно означает на самом деле. Даже Млечный Путь – и тот исподволь был переименован в Чумацкий шлях. Вот что означала крымская соль для наших предков!

Несмотря на расстояния и всяческие дорожные трудности, везти соль из Крыма было выгодно. Во-первых, стоимость ее была довольно низкой, гораздо ниже стоимости той соли, которая добывалась в других местах. Почему ниже? Да потому, что ее здесь было много. А коль товара много, то и цена его низкая. Это элементарный экономический закон. Во-вторых, добывать здешнюю соль было относительно просто. Конечно, трудности имелись и здесь, и трудности немалые, потому что попробуй-ка дни напролет провести под палящим солнцем и просоленным ветром, не разгибая спины! Соль въедалась в кожу, норовила попасть в глаза, ею дышали, ее глотали... Ну да – в других местах добывать столь ценный минерал было еще тяжелее... И в-третьих, крымская соль испокон веку славилась своим качеством и полезными свойствами. Ее не только употребляли в пищу, ею лечились. От множества болезней спасала крымская соль-целительница. Ею заживляли раны, лечили всяческие внутренние болезни, приводили в порядок суставы – всего и не перечислить. Слава о крымской соли шла по всей земле, потому-то и тянулись в Крым нескончаемые чумацкие караваны. Сюда – пустые, отсюда – груженные драгоценным минералом.

Достоверные исторические факты гласят, что, когда Крымский полуостров являлся частью Крымского ханства, правитель-хан строго-настрого, буквально-таки под страхом смерти запретил разбазаривать соль и владеть соляными приисками кому бы то ни было, кроме него самого. Выражаясь современным штилем, на все соляные прииски была наложена державная рука. Никакой частной самодеятельности! Нет, частники, конечно же, были, но старались они за малую долю, а основная часть золота, выручаемого от добычи соли, текла в ханскую казну. Текла нескончаемо, летом и зимой, днем и ночью... Как, скажем, некоторые современные державы богатеют на газе и нефти, так крымский хан богател на соли.

Еще одним весомым плюсом добычи соли в Крыму было то, что большая часть соли добывалась на озере Сиваш и на небольших присивашских озерцах. А Сиваш – он расположен с самого краю Крыма. Вот как только въедешь в Крым, как только минуешь перешеек, соединяющий полуостров с материком, – так сразу же и Сиваш. Вот он, по левую руку. И все прочие присивашские озера – там же. И не надо ехать куда-то дальше, не надо терять время и силы. Загрузился солью, расплатился – и поезжай обратно. Да только поглядывай, чтобы по

пути не напали на тебя разбойники. А то ведь – нападут, отнимут соль, а то, глядишь, и саму твою жизнь. И жизнь-то в те времена значила куда как меньше, чем отнятая у человека соль... Оттого-то и объединялись в ватаги чумаки, едущие в Крым за солью. Гуртом отбиться от разбойников было сподручнее...

Не утратила своего значения и своей жизненной роли крымская соль и в последующие времена – вплоть до установления в Крыму советской власти. Оно и понятно – соль нужна всем и во все времена. В короткие сроки советская власть наладила на Сиваше целое промышленное производство. Отсюда крымская соль отправлялась во все уголки Советского Союза. И даже за границу.

Ну а затем началась Великая Отечественная война, и в Крым вошли фашисты. Они также по достоинству оценили крымскую соль. И даже намеревались развернуть ее промышленную добычу. Но не преуспели. И времени у них для этого было маловато, и местные партизаны, как могли, мешали, и с кадрами также были проблемы... Зато всю добытую соль фашисты вывезли из Крыма подчистую. Так что когда Красная армия освободила Крым, то наряду со множеством других проблем перед вернувшейся на полуостров советской властью встала еще одна проблема – нехватка соли. Это в Крыму-то, который испокон веков был знаменит своей солью...

Глава 1

Общеизвестная истина: без крепкого тыла сильной армии быть не может. В самом деле: армию нужно снабжать оружием, каждого солдата нужно одеть, обуть и накормить. А то много ли навоюет солдат без оружия, да еще раздетый и голодный? И все эти заботы возложены именно на тыловые службы. На интендантов, как обычно принято называть лиц, служащих в тыловых подразделениях.

Конечно, об интендантах-тыловиках говорят гораздо меньше, чем о тех бойцах, которые сражаются на передовой. И песен о них не слагают, и стихи не сочиняют, и – бывает и такое – наградами и почестями они зачастую обделены. Ну да что ж? Надо же кому-то служить и в интендантах. Надо кому-то кормить, одевать и обувать бойцов на передовой. А потому на войне еще вопрос: кто главнее и важнее – те солдатики, которые ходят в атаки, или те, кто их одевает и кормит? Хотя, если разобраться, то и то важно, и другое. Важно в одинаковой степени. Война она ведь разная. А потому и воевать также приходится по-разному. Кому стрелять во врага, кому – кашеварить. Тем более что цель у всех одна и та же. И цель эта – победа. Всеобщая победа. Одна на всех.

А к тому же что делать, если тебя определили именно в интенданты, а не, допустим, в артиллеристы или разведчики? В армии разве спрашивают твоего желания? В армии – приказывают. Приказали служить в интендантах, так что будь добр – принимайся за дело и не возражай. Потому что возражение в армии, да еще в военное время – это грубейшее нарушение дисциплины. Сродни измене Родине, если называть вещи своими именами. Армия есть армия, война есть война, а победа – она все едино одна на всех. Хоть для разведчика с артиллеристом, хоть для тылового обозника. Здесь главное – сделать для победы все, что ты можешь на том месте, куда тебя приставили. А уж там – разберемся. Как говорится, сочтемся славой, коль останемся живы.

Так или примерно так размышлял майор Степан Крикунов, командир одного из интендантских подразделений, вошедших на Крымский полуостров сразу же вслед за передовыми частями Красной армии. Впрочем, что значит – размышлял? Честно сказать, ему и размышлять-то было некогда. Размышляют обычно те, у кого хватает на это времени. А те, у кого времени не хватает, действуют. Вот и Степан Крикунов тоже действовал, а если и размышлял, то лишь мимоходом и в самых общих чертах и образах.

Так вот, времени у Степана Крикунова на размышления не хватало. Да и откуда ему было взяться, времени для размышлений, рассуждений и прочей философии? Армия наступала, а когда наступление, то у всех, в том числе и у тыловых служб, дел невпроворот. Порой так бывает, что несколько суток кряду и вздремнуть не удастся, а не то что предаваться обстоятельным размышлениям! Наступление – очень хлопотное дело. Впрочем, как и отступление. Хотя, конечно, одно с другим и не сравнишь. Грех сравнивать одно с другим. При наступлении, кем бы ты ни был, у тебя будто крылья вырастают, будто душа воспаряет, а вместе с этим и силы прибавляются – так что ты готов тянуть свою лямку с утроенной силой, с торжеством и радостью, голодный и невыспавшийся, немывтый и небритый – вот что такое наступление! Ведь это же не просто само по себе слово, это – освобождение твоей родной земли от проклятого врага! Это высшая справедливость, высший смысл, какой только может быть на войне! Поэтому делаем свое дело, к которому ты приставлен неукоснительным приказом, и никакой тебе философии! Чем майор Степан Крикунов и занимался.

Поэтому он был немало удивлен и даже раздосадован, когда ему сообщили, что он должен явиться в штаб дивизии. Явиться вот прямо-таки немедля, оставив все свои интендантские дела и заботы. Спрашивается – для чего? Там, в штабе, конечно, объяснят для чего, но все равно – что им понадобилось от Степана Крикунова? Не для вручения же награды его

вызывают! И не для того, чтобы попить со Степаном Крикуновым чаю. А, значит, для какого-то другого дела. А другое дело – это не иначе как нагоняй от начальства. Никаких иных причин своего вызова в штаб простоватый и прямой ум Крикунова выдумать не мог. Вот ведь как – нагоняй! А по какому такому случаю? Где и в чем он, Степан Крикунов, набедокурил? Что сделал не так? Каким таким поступком он вызвал неудовольствие у начальства? А может, обойдется без нагоняя? Может, начальство его вызывает, чтобы ознакомить его с какими-то новыми инструкциями? Ведь вот – Красная армия вошла в Крым, враг стремительно отступает, а значит, должны быть и новые инструкции с приказами.

Впрочем, все это были вопросы риторические, а потому задаваться ими было бессмысленно. В штабе все объяснят – для того и вызывают.

* * *

Штаб временно располагался в одном из небольших перекопских сел. В этом краю все села были небольшими и все похожи одно на другое, так что майор Крикунов потратил немало времени, пока разобрался, что к чему и где именно располагается штаб. И едва не довел до истерики шофера полуторки, на которой Крикунов отправился на поиски штаба.

– Что это ты такой нервный? – прищурился, глядя на шофера, майор. Самого Крикунова вывести из равновесия было сложно, он был человеком флегматичным и обстоятельным.

– Я не нервный! – дернулся шофер. – Я контуженый! Списали меня после госпиталя в тылы! Развозить подштанники и портянки! Будешь тут нервным!

– Вот и развози со спокойной совестью, – сказал Крикунов. – Подштанники с портянками – это тоже оружие.

– Да уж, оружие! – ядовито ответил шофер. – Видали мы оружие и почище!

– А давай я сниму с тебя сейчас штаны и подштанники! – предложил Крикунов. – И поглядим, много ли ты навоюешь в таком срамном виде. Так что помалкивай и находи дорогу в деревню Ялантуш. Говорят, что штаб располагается именно там.

– А! – досадливо крикнул водитель и стал яростно крутить баранку.

Добрались наконец до деревни Ялантуш. Ну а уж найти в ней штаб было проще простого. Штаб располагался в единственном на всю деревню более-менее просторном помещении – в школе. В штабе Крикунову сообщили, что его ожидает полковник Черняк. Кто таков был полковник Черняк, Крикунов не знал. Он и фамилии-то такой раньше не слышал. Недоуменно пожав плечами, Крикунов вошел в комнату, бывшую, по всей видимости, раньше учебным классом.

В комнате находился единственный человек – невысокого роста мужчина с полковничьими погонами. Он стоял у окна и задумчиво смотрел сквозь пыльное и потрескавшееся стекло куда-то вдаль – то ли о чем-то размышляя, то ли любуясь законными видами. Виды же были обычными и вместе с тем изумительно красивыми. Была первая половина апреля, а апрель в крымской степи – это самый разгар весны. Это уже потом, ближе к июню, беспощадное южное солнце выжжет всю траву и перекрасит степь в однообразный буро-коричневый цвет с редкими зелеными островками стойких к жаре трав и редких кустарников. А пока степь торжествует, переливается разнотравьем и весенними цветами всевозможных видов и оттенков, и солнце покамест не сжигает всю эту красоту, а, наоборот, нежит ее и ласкает. А какой чудный, удивительный ветер бывает в крымской степи в апреле! А какое небо, какие облака! И что с того, что сейчас война? Красота – она ведь сама по себе.

Крикунов, войдя в помещение, деликатно кашлянул. Полковник глянул на него. Крикунов представился.

– Да-да, – встряхнул головой полковник. – Проходите. Я вас жду. Присаживайтесь. Я полковник Черняк. С недавних пор возглавляю армейскую интендантскую службу. Так сказать, ваш начальник... Давно воюете?

– С самого начала, – ответил Крикунов. – Отступал, теперь вот наступаю...

– И что же, все время в интендантах? – спросил Черняк.

– Куда поставили, там и нахожусь, – пожал плечами Крикунов. Вопрос полковника ему не понравился. – Просился, конечно, и на передовую, не без этого, – добавил он. – Еще в самом начале войны... Пять рапортов написал. Командир дивизии сказал, что, если я напишу еще один рапорт, он меня пристрелит. И пристрелил бы... Горячий был, что и говорить. Погиб под Таганрогом.

– Я вот тоже просился, – вздохнул полковник. – И примерно с теми же результатами. Вплоть до угрозы расстрела, как и в вашем случае. Да... Ну да ладно. Приступим к делу. То есть скажу, для чего я вас пригласил.

Полковник Черняк вновь подошел к окну, посмотрел на краешек степи, видневшейся из окна, затем глянул на Крикунова и спросил:

– Вы знаете, что такое соль?

– Соль? – опешил Крикунов. – Какая такая соль?

– Обыкновенная, – сказал полковник. – Которой солят кашу.

– Ну, так... – Крикунов недоуменно повертел головой. – Конечно, знаю.

– А как вы думаете, каша без соли вкусная? – спросил полковник. – Можно ли ее есть?

От такого вопроса Крикунов впал еще в большее недоумение. В самом деле – странные вопросы задает ему этот полковник Черняк! Будто какому-то несмышленому мальчугану. Но в то же время полковник был его, Крикунова, прямым начальником, а коль так, то поневоле приходилось отвечать на любые его вопросы, даже самые странные и нелепые.

– Ну так, оно ведь известно, – осторожно произнес Крикунов. – Какая же каша без соли? Оно, конечно, с голодухи можно обойтись и без соли. А только все равно... Помню, бывали случаи на фронте, когда не было соли... Самолично приходилось разбираться. Да и до войны тоже. Я ведь из-под Омска. В нашей деревне соль была как конфетка. Такое же лакомство. То завезут, то не завезут.

– Вот я о том и толкую, – сказал Черняк.

– Это о чем же? – не понял Крикунов.

– О соли, о чем же еще, – сказал полковник. – О ней, родимой... А вы знаете, что в здешних краях, – он указал рукой за оконце, – добывают соль? Всегда добывали, еще в старые времена?

– Нет, – ответил Крикунов. – Неизвестен мне такой факт.

– Так вот, добывают. На озере Сиваш. Оно здесь рядом. Хорошая, говорят, соль. Целебная. До немцев ее тоже добывали. А когда пришли немцы, то нарушили всю добычу. А всю добытую соль вывезли к себе в Германию, потому что у них-то такой соли отродясь не бывало. И теперь, когда мы вернулись в Крым, то столкнулись с прискорбным фактом. Крым – наш, а соли в нем нет. То есть, конечно, в природе она имеется, но ведь ее надо еще добыть! Вы понимаете, о чем я толкую?

– Не совсем, – признался Крикунов.

– Добывать, говорю, надо соль, – пояснил полковник Черняк. – Налаживать ее производство в промышленных масштабах. Чтобы, значит, хватило на всех: и мирному населению, и нашей армии. Понятно объясняю?

– Вроде как понятно, – не совсем уверенно ответил Крикунов. – Соль надо добывать. Вот пускай советская власть ее и добывает. На то она и поставлена. А наш-то какой здесь интерес? Наше дело – воевать. Двигаться дальше на запад.

– Так-то оно так, – согласился Черняк. – Да вот только, если вдуматься, не совсем оно и так. Потому что присутствует здесь и наш интерес. Интерес всей нашей армии. А коль так, то от соли в некотором роде зависит наша всеобщая победа.

– Это как же так? – не понял Крикунов. – В каком таком смысле?

– В самом прямом, – ответил Черняк. – Каша-то без соли невкусная. Это факт. А без каши много ли солдат навоюет?

– Ну, так оно известно, – развел руками Крикунов. – Без каши – беда.

– Вот о том я и толкую, – сказал полковник. – Без каши – беда. В том-то и кроется наш интерес к соли. Вот гоним мы немцев с нашей земли, и это замечательно! Но чем дальше мы их погоним, тем больше земель освободится. И везде на этих землях живут люди. А людям нужна соль. И так получается, что соль – это важнейший стратегический продукт. Какая советская власть без соли? Какая победа без соли? Ну а где победа, там и наша армия. Соль – это наше оружие!

– Согласен, – кивнул майор Крикунов. – Оно действительно... А только я не понимаю, к чему вы клоните...

– Сейчас объясню и это, – пообещал Черняк. – Итак, соль – это наше оружие. А оружие должно находиться в руках военных, не так ли?

– Правильно, – сказал Крикунов.

– Организовывать добычу соли, конечно, будут гражданские власти, – проговорил Черняк. – На то они и поставлены. Тем более что уже есть распоряжение с самых верхов – срочным образом приступить к добыче соли. Тут, знаешь ли, высокая политика! Крым – это же сплошь море. А в море водится рыба. Основной, так сказать, продукт питания для местного населения. Ну и для нашей армии, конечно. А какая же рыба без соли? Выловить ее из моря, конечно, можно, а что потом? Пропадет рыбка...

– Пропадет, – согласился Крикунов.

– И это я уже не упоминаю лишний раз о каше без соли для наших солдат, – сказал полковник Черняк. – А из всего этого следует вывод. Коль соль – это политика, военная стратегия, оружие и залог нашей победы, то она должна подразделяться на две категории: так сказать, на мирную соль и соль военную. Ну а к военной соли должен быть приставлен военный человек. Я прав?

– Наверно, – не совсем уверенно ответил Крикунов.

– Итак, соль будут добывать гражданские власти, но под нашим, военным наблюдением, – сказал полковник Черняк. – Таков приказ. Часть добытой соли должна направляться на нужды нашей армии. Регулярно и неукоснительно! Чтобы, понимаешь, наш боец на фронте не жаловался на то, что у него каша несоленая. И к этой важной задаче должен быть приставлен военный человек. Я понятно излагаю?

– Ну... – неопределенно ответил майор Крикунов. Кажется, он начал понимать, куда клонит его начальник.

– И этим человеком будете вы, – сказал Черняк. – Таков приказ. Если есть вопросы, задавайте. Отвечу по мере возможности.

Сказать, что такие слова огорошили и просто-таки оглушили Крикунова, это означает не сказать почти ничего. Оно, конечно, понятно – приказ. А вот дальше непонятно ничего. Дальше намечалась целая тьма всяких вопросов.

– Я, конечно, понимаю – приказ, – начал Крикунов. – Но... Это как же так получается? Это что же, вы пойдете дальше громить врага, а я останусь здесь смотреть, как добывают соль? Или, может, я чего-то не понял?

– Все вы поняли правильно, – сказал полковник. – Ухватили самую суть предстоящей вам задачи.

– Но ведь война... – Майор Крикунов расстраивался все больше и больше. – Как же так? Вы все – там, а я – здесь...

– Здесь тоже война, – сказал Черняк. – Мы уже говорили с вами, что соль – это стратегия, оружие и залог нашей победы. И еще – политика. А коль оно все так, то это и означает, что добыча соли тоже выполнение боевой задачи. Вы остаетесь здесь не для того, чтобы прогуливаться с барышнями и пить водку. А для того, чтобы выполнять боевую задачу. Чтобы ковать оружие для нашей победы.

– И что же конкретно я должен буду делать? – упавшим голосом спросил Крикунов. – Какова моя конкретная цель?

– Вот чего не знаю, того не знаю, – развел руками полковник. – Знаю лишь одно – вы должны наладить бесперебойное снабжение солью нашей армии. А уж как вы это будете делать, зависит от вас. И, конечно, от ситуации. Но если каша на фронте будет несоленая, спросят с вас. И вы ответите по законам военного времени за невыполнение приказа. Вам все ясно?

– Чего уж яснее, – буркнул Крикунов.

– Да вы не огорчайтесь. – Тон полковника стал мягче. – Война она ведь бывает разная... А если, допустим, вы предполагаете, что здесь у вас будет сплошная тишь и благодать, то выбросьте такие мысли из головы. Здесь тоже всякое может случиться... Потому что соль стратегический товар, можно так сказать. Ну а где стратегия, там и враг. Оттого-то мы и придаем в ваше распоряжение солдат. Да-да! Целых десять человек с оружием! Из тех, которые выписались уже из госпиталя, но силенок, чтобы ходить в атаки, у них еще не хватает. Так что вы остаетесь не один, а с войском.

– Вот уж спасибо за такое войско! – как ни таил Крикунов в себе горькую иронию, а она все же вырвалась наружу. – Уж мы тут навоюем, ежели чего!..

– А куда же вы денетесь? – спокойно, почти равнодушно проговорил полковник. – Конечно, навоюете. Возьмете не числом, так умением. К тому же вдобавок мы предоставляем в ваше распоряжение транспорт. Целые две машины! Грузовик и трофейную легковушку. Чтобы вы осознавали важность вашей задачи и вообще... Целые две машины! Да притом с шофером. Хоть он будет и один на две машины, но все равно – шофер!

– Понятно, – угрюмо произнес Крикунов. Ему почему-то подумалось, что упомянутый шофер – это как раз тот самый нервный контуженый водитель, который и привез его в штаб.

– А коль понятно, то действуйте, – в голосе полковника зазвучали начальственные нотки. – Срочно сдавайте все свои прежние дела и приступайте к своим новым обязанностям. Сейчас я позову лейтенанта, он и введет вас в курс дела. Познакомит и с шофером, и с солдатами, которые придаются в ваше распоряжение. Подчиняться будете местному коменданту. Ну и вообще всячески с ним взаимодействовать. Правда, кто он такой, я не знаю. Потому что нет еще никакого коменданта. Не успели назначить. Вот когда назначат, тогда и будете взаимодействовать.

– А вы, значит, отправляетесь дальше, – горестно констатировал Крикунов, хотя что уж тут было констатировать? И без того все было ясно.

– Да, – ответил Черняк. – Мы отправляемся дальше вслед за нашими передовыми частями. До самого Берлина.

– А я посыплю вашу дорожку солью, – уже совсем с запредельной горечью произнес Крикунов. – Есть, знаете ли, такой обычай: сыпать вослед путнику солью. Чтобы ему легче шагалося...

Полковник Черняк ничего не ответил, лишь внимательно посмотрел на Крикунова. Вскоре в помещение вошел молодой лейтенант и выжидательно уставился на майора. Делать было нечего, все вопросы были заданы, вся горечь – выплеснута, и Крикунову только то и оставалось, что приступить к исполнению своих новых обязанностей. То есть делать все, чтобы каша на фронте у бойцов всегда была соленой.

Глава 2

Как Крикунов и предполагал, прикомандированным шофером оказался тот самый нервный контуженый солдат. Сопровождавший Крикунова лейтенант объявил:

– Вот вам – машина, а это – шофер. Принимайте хозяйство, товарищ майор.

Крикунов мрачно взглянул на выдавшую виды полуторку и на шофера. По лицу шофера то и дело пробегали нервные судороги – последствие контузии. А может, дело тут было вовсе не в контузии, а всего лишь в характере солдата – как знать? Но как бы там ни было, настроение Крикунова испортилось еще больше.

– А вот – обещанная вам легковушка, – сказал лейтенант. – Боевой трофеей! Называется «хорь».

Майор мрачно взглянул на легковушку.

– Она на ходу? – спросил он.

– Вот чего не знаю, того не знаю! – развел руками лейтенант. – Да вы, товарищ майор, испробуйте ее сами. Или прикажите водителю.

– Попробуй завести, – мрачно сказал Крикунов шоферу. – И сделай на ней круг...

Водитель дернул лицом и, не торопясь, направился к легковушке. Хоть и не сразу, но машина все же завелась. Не разбирая дороги, водитель сделал на ней большой круг и, затормозив напротив Крикунова, выжидательно взглянул на него.

– Полковник обещал мне солдат, – с неудовольствием произнес Крикунов. – Целых десять храбрых гвардейцев. Где же они?

– А вот, – указал лейтенант.

Прислонившись к стене здания, в котором располагался штаб, сидели солдаты – ровно десять человек. С кислым выражением лица Крикунов подошел к ним. Солдаты нехотя поднялись.

– Так, – безнадежным тоном произнес майор. – Кто из вас тут главный?

– Сержант Лапоть, – представился один из бойцов.

Майор по очереди оглядел приданное ему воинство. Восемь человек были вооружены винтовками, лишь двое – Лапоть и еще один боец – автоматами.

– Патроны-то у вас имеются? – мрачно спросил майор.

– Так точно, – за всех ответил сержант Лапоть.

– А гранаты? – спросил Крикунов.

Бойцы недоуменно переглянулись.

– А зачем нам гранаты? – спросил сержант. – В кого ими тут швыряться?

Крикунов промолчал. Он и сам не знал, в кого тут можно швырнуть гранату. Враг отступил. Вот даже отдаленного грохота канонады и то не слышать. Здесь – глубокий тыл. Отсюда не дошвырнешь до врага никакой гранатой.

– Значит, все вы после госпиталей? – спросил майор у всех бойцов сразу.

– Так точно, – нехотя ответили ему несколько голосов.

– И после окончательной поправки снова отправитесь на фронт? – спросил майор.

Солдаты вновь переглянулись.

– Кончились наши фронты, – за всех ответил сержант Лапоть.

– Это как так? – не понял Крикунов.

– Списаны все мы подчистую в связи с серьезными ранениями, – мрачно пояснил Лапоть. – Только и того, что руки-ноги целы. А так – непригодные мы к дальнейшей службе. Так нам и сказали... И документы у нас на то соответствующие имеются. Показать?

Крикунов лишь махнул рукой. Для чего ему были какие-то документы? Полная безнадега овладела им, она была как тягучее болото, из которого выбираться не было ни сил, ни желания.

– Значит, все вы вроде как инвалиды? – уточнил он.

– Вроде того, – мрачно ответил Лапоть и сплюнул.

– Ну а здесь-то как вы очутились? – поинтересовался майор.

– А война, – просто пояснил сержант Лапоть. – Оттого и очутились. Не пожелали мы отправляться по домам. Сказали начальству: пристраивайте нас на какую-нибудь должность, и все тут! Руки-ноги, говорим, у нас целы, голова тоже при нас, соображать и стрелять в случае чего у нас получится. Желаем, говорим, воевать дальше. Где угодно – хоть кашеварить, хоть даже прачками. Потому как – война. А мы – живые. Вот нас и пристроили... Будете, говорят, охранять соль. Хотя где здесь та соль, мы и не знаем. А вы, товарищ майор, вроде как будете нашим начальником?

– Вроде того, – буркнул вконец расстроенный Крикунов.

А и было от чего расстроиться, в самом деле! Вот перед ним десять солдат. Десять, можно так сказать, калек, списанных в связи с тяжелыми ранениями. И казалось бы – ступайте с чистой совестью по домам, коль уж оно такое дело! Кто вас в чем упрекнет? Вы свое отвоевали. Так нет же, не пошли они по домам! Желаем, говорят, воевать дальше несмотря на то, что, можно сказать, калеки. Вот ведь какое получается дело! А что же он, майор Степан Крикунов? Он-то не ранен, он молодой и здоровый мужик, ему воевать да воевать! Пускай даже и не на самой линии фронта, а чуть сзади, но какая, по сути, разница? Кто-то должен воевать и в ближних тылах. Так-то – в ближних! А здесь-то какие ближние тылы? Здесь, можно сказать, установилась мирная жизнь. Вот даже канонады и то не слышно. Канонады, стало быть, не слышать, а он все равно здесь. Живой, здоровый, ни разу не получивший ранения! Но приказ, его не слушаешься... Только кому она нужна, та соль? Кто на нее может покуситься? Хотел бы майор взглянуть на таких покусителей...

– Вы где-нибудь уже пристроились? – спросил Крикунов у солдат. – Какие-никакие харчи у вас имеются?

– Пока что имеются, – ответил Лапоть. – А ночуем мы вот здесь, – указал сержант на небольшой, слепленный из самана домишко. – Хатенка бесхозная, вот мы в ней и поселились. А только...

– Что? – спросил Крикунов.

– Хотелось бы нам знать нашу боевую задачу, – сказал Лапоть. – А то ведь сидим, спим, варим кашу, курим махорку, и больше ничего. Ладно – соль. Но где она, та соль?

– Да я и сам покамест знаю не больше вашего, – угрюмо произнес Крикунов. – Я ведь только что назначен на должность, буквально сегодня утром. Стало быть, будем вникать и разбираться вместе. А покамест ждите моей команды. Но чтобы мне никакого блатовства. Никаких вольностей! Никаких неудобств от вас для местного населения! Понятно?

– Так точно, – нестройным хором ответило войско, и в этом хоре Крикунову почудилась почти нескрываемая ирония.

Он хотел сказать солдатам еще что-то, возможно, в ответ на их иронию, но ничего не надумал и лишь махнул рукой.

– Заводи мотор! – приказал он шоферу. – Легковушку заводи – и поедем!

– Куда? – спросил шофер, лениво поднимаясь с земли.

– А вот я тебе скажу куда! – ответил Крикунов.

* * *

Дел у Крикунова было много. Во-первых, сдать дела по прежнему месту службы. Во-вторых, наладить деловые и служебные отношения с комендантом и гражданскими службами – если таковые, конечно, уже были назначены. В-третьих, выяснить расположение тех мест, где добывается соль. В-четвертых, хотя бы в общих чертах уяснить, как именно она добывается. В-

пятых, разузнать, когда соль начнут добывать. В-шестых, определиться, каким таким образом добытую соль можно будет отправлять на фронт. В-седьмых, подыскать местечко, где можно было бы обосноваться ему самому и его бойцам. Понятно, что такое местечко должно быть поближе к соляным приискам – или как они там называются на самом деле, – чтобы можно было наблюдать за процессом добычи соли и ее отправки на фронт собственными глазами.

Было, наверно, еще и в-восьмых, и в-десятых, и даже, может статься, в-тридцать третьих – как знать? Все могло быть, потому что враг только-только ушел с этой земли. И просто так, по-хорошему, он никогда не уходил. А всегда оставлял после себя сплошь развалины и разруху. Изучил майор его подлые привычки и повадки, очень даже замечательно изучил!

Оказалось, что, пока Крикунов знакомился со своим инвалидным войском и боролся с собственными душевными терзаниями и неудовольствиями, на освобожденную территорию были назначены комендант и, кроме того, исполнительные органы гражданской власти. Располагалась вся власть – как военная, так и гражданская – в селе Ишунь, единственном более-менее крупном населенном пункте в здешних местах.

Добравшись до Ишуня, Крикунов первым делом разыскал коменданта. Им оказался армейский майор с несгибающейся ногой и с костылем в руках, на который он опирался при ходьбе. Это обстоятельство внесло в душу Крикунова дополнительную порцию смуты, раздрая и неудовольствия. Даже комендант – и тот был после ранения! Все здесь, похоже, были после ранения, все несли, как могли, свою службу, один лишь Крикунов был здоров просто-таки до полного неприличия! Как, понимаешь ли, какая-нибудь поганая белая ворона среди стаи добрых серых ворон!

Усилием воли Крикунов все же отогнал от себя душевную смуту. Вернее будет сказать, загнал ее в самый дальний уголок души. Пускай она там находится, не до смуты сейчас. Сейчас надо выполнять приказ. и ничего тут не попишешь. На то он и солдат, чтобы выполнять приказы. И на то она и война.

– Да, мне о вас говорили, – сказал комендант, пожимая руку Крикунову. – И о соли тоже говорили. Что она стратегический товар, победное оружие и все такое... Может, так оно и есть. А только я не понимаю, чем могу быть вам полезен. Вообще-то это дело не мое, а гражданских властей.

– Ну, так где они, те гражданские власти? – уныло спросил Крикунов.

– А – здесь они, – махнул рукой куда-то в сторону комендант. – В другом крыле этого же помещения.

Крикунов раздраженно пожал плечами и отправился знакомиться с гражданскими властями. Такими властями оказались два человека – мужчина и женщина. Мужчина был одет в военную форму без знаков различия. Крикунов невольно присмотрелся к мужчине – цел ли он, не хромает ли, нет ли при нем костыля. Собственные целые руки и ноги исподволь начинали казаться Крикунову сущим безобразием. Даже, может статься, преступлением.

– Из фронтовиков? – спросил Крикунов у мужчины.

– И да и нет, – улыбнулся в ответ мужчина.

– Это как так понимать? – невольно удивился майор.

– Из партизан, – ответил мужчина.

– Вот как! – еще больше удивился Крикунов. – Что же, здесь были партизаны?

– Как не быть. Были, – просто ответил мужчина.

– Так ведь здесь голые места! – сказал майор. – Все как на блюдечке. Здесь и спрятаться-то негде!

– Да вот прятались, – вновь улыбнулся мужчина. – В камышах, в ямах, по селам... Воевали как могли. Теперь вот поставили поднимать разрушенное хозяйство.

– Стало быть, вы – местный? – спросил Крикунов.

– Здешний, – ответил мужчина. – И я, и вот она, – указал он на женщину.

– А тогда все, что касаясь добычи соли, вам тоже ведомо? – спросил майор.

– Знаем мы и такое дело, – кивнул мужчина.

– Ну, так это уже хорошо! – с облегчением вымолвил Крикунов. – А то куда ни кинься и у кого ни спроси – никто ничего сказать не может! А мне надо знать.

– А в чем, собственно, дело? – спокойно поинтересовался мужчина.

Крикунов кратко представился и рассказал о своей миссии. Вернее сказать, о приказе, который он обязан был выполнять.

– Ах, вот в чем дело! – сказал мужчина. – Теперь все понятно. А то мы тут сидим да гадаем: для чего майору Красной армии знать о соли? Что ж, коли такое дело, то и ладно. Будем работать вместе. Соль – это самое первое дело, добычу которого мы должны наладить. Потому что соль – это...

– Знаю. – Крикунов тоже улыбнулся. – Премного наслышан. Соль – это и политика, и стратегия, и оружие... В общем, каша в солдатском котелке должна быть соленой – и никаких других вариантов здесь не допускается.

– Именно так, – уже серьезно сказал мужчина. – Что ж, давайте знакомиться ближе. Меня зовут Василий Авдеевич. Ее – Анна Карповна.

– Можно просто Анна, – поправила женщина. – Молода я еще, чтобы меня по отчеству...

– Это – да, – простодушно согласился Крикунов, помолчал и сказал: – Посмотреть бы мне на место, где соль добывают.

– Посмотреть, конечно, не мешало бы, – согласился Василий Авдеевич. – Да вот только как туда добраться? Далековато... А у нас даже подводы пока нет.

– Ну, так у меня – машина, – сказал Крикунов. – Вмиг домчимся. Вы только дорогу покажите!

– Вот оно как! – с радостным удивлением произнес Василий Авдеевич. – Тогда поехали.

Сели и поехали. Ехать оказалось не так и долго. Вскоре вдаль показалась полоска воды. Уж такая синяя, что и смотреть на нее было больно.

– Вот он, Сиваш, – сказал Василий Авдеевич. – А то, что вода такая синяя, – так это от соли.

Остановились. Ровная гладкая степь стелилась на все три стороны, а с четвертой стороны была вода. Растительности не было почти никакой, лишь изредка виднелись какие-то приземистые кусты. Не было видно даже птиц, которых обычно всегда много там, где вода. А тут вода была, а птиц – не было.

– Да какие тут птицы? – поняв, о чем думает Крикунов, сказал Василий Авдеевич. – Живности-то в здешних водах – никакой. Потому что уж слишком соленая в Сиваше водичка. Не вода, а, можно сказать, раствор соли. Какая рыбина выживет в такой воде? А птица – она там, где рыба.

Недалеке виднелись какие-то полуразрушенные строения из камня-ракушечника. Подошли к ним.

– Остатки соляного склада, – сказал Василий Авдеевич. – Когда-то здесь хранилась соль. Много соли... А вообще-то обычно соль хранили в буртах, под открытым небом.

– Так ведь если дождь... – почесал в затылке майор Крикунов.

– А на этот случай имелись свои хитрости, – сказал Василий Авдеевич. – Сверху бурты укрывали тростником или обмазывали глиной, а то и навозом.

– Ну да? – не поверил Крикунов.

– Было дело, – вздохнул Василий Авдеевич. – До войны здесь было много чего: и соляные прииски, и овечьи отары, и навоз... Теперь-то нужно все начинать сызнова.

– Так хоть как ее добывали, соль-то? – спросил Крикунов.

– Как добывали? – переспросил Василий Авдеевич. – А вот смотрите... Видите это большое квадратное углубление?

– Ну...

– Это бассейн. В него из озера пускали воду. Бассейн мелкий, и вода быстро испарялась. А соль на дне бассейна оставалась. Ее сгружали на тележки и свозили в бурты. Вот и все.

– Так просто? – с удивлением спросил Крикунов.

– Да, так просто, – задумчиво подтвердил Василий Авдеевич. – Хотя как сказать. Солнце, ветер, жара; соль въедается в кожу, лезет в глаза и в рот... А пресной воды – самая малость. Только чтобы попить. Умыться и то нечем... Вот я сказал – добытую соль складывали в тележки. Ну, так в те тележки надо было кого-то запрягать, не так ли? Спрашивается кого? Никакая скотина долго не выдерживала. Только – верблюды. Так на верблюдах и возили.

– Вот оно как! – с искренним удивлением произнес Крикунов.

– Да, вот так... А только где их сейчас взять, тех верблюдов? И верблюдов, и людей...

Помолчали, глядя на мертвую, нестерпимо синюю воду Сиваша. Отчего-то, несмотря на то что вода была неживая, на нее хотелось смотреть и смотреть. А затем Крикунов спросил:

– А вот говорят, немцы всю соль вывезли. А что же вы, партизаны? Отчего не воспрепятствовали?

– Препятствовали как могли, – сказал Василий Авдеевич. – И грузовики взрывали, и бурты соляной обливали... В общем, это отдельная история. Видите остатки этого склада?

– Ну...

– Обратили внимание на то, что он взорван?

– А ведь оно так! – с некоторым удивлением произнес Крикунов. – В самом деле – взорван...

– Ну, вот видите. Мы и взорвали. Воевали как могли.

– Это значит, чтоб у немцев каша тоже была несоленая, – невесело пошутил майор. – Тут у меня имеется просьбочка... Помещеньице нам надобно какое-никакое. Где-нибудь поближе к соляным местам. Чтобы, значит, нам там разместиться. При мне – две машины и десяток солдат. Здесь и будет наше место. Так сказать, наша линия фронта.

– В двух километрах отсюда есть село, – сказал Василий Авдеевич. – Даже несколько небольших сел. Съездим и что-нибудь подберем, коль такое дело. Не в одном, так в другом.

Глава 3

К началу лета, несмотря на всевозможные трудности, на Сиваше и других окрестных озерах началась добыча соли. Нашлись и люди, и даже верблюды. На берегах озер стали появляться первые соляные бурты, похожие на белые скирды обмолоченного хлеба.

Прибавилось хлопот и у майора Крикунова вместе с его инвалидной командой. Стараниями коменданта и, видимо, каких-то других инстанций к буртам стали одна за другой подходить военные грузовики и гражданские подводы. Грузенные солью автомашины уезжали на запад, в сторону далеко отодвинувшейся от полуострова линии фронта, а подводы развозили соль по ближним городам и весям. За всем надо было уследить, все пересчитать. Военный порядок – он требует учета, это известно каждому.

Однако же здесь не было войны. Здесь не стреляли, не шли в атаки, да и людей в военной форме, помимо самого майора Крикунова и его бойцов, видно не было. По сути, здесь была мирная жизнь со всеми ее такими же мирными проблемами и маленькими радостями. И это обстоятельство тяготило и самого Крикунова, и его подчиненных.

По вечерам, расположившись прямо на земле у старой кошары, наспех переоборудованной под жилье, бойцы, глядя в южное черное небо с бесчисленными на нем звездами и покуривая махорку, грустили.

– А ведь где-то идет война! – говорил какой-нибудь солдатик, и все остальные, соглашаясь, кивали в ответ. – Ребята ходят в атаки... А что мы? Торчим у этого озера, считаем подводы с солью... Видеть уже не могу эту соль! Соль, конечно, нужна, а только – сколько же можно? Да и для чего?

– Вот именно, – вступал в разговор другой солдат. – Считается, что мы ее охраняем – соль-то. Да только кому она нужна, чтобы ее красть? Ее здесь вон сколько! Под ногами валяется! Бери сколько пожелаешь, задаром бери! Для чего ее караулить, от кого? От себя самих, что ли? Так ведь и нам она без надобности!

– Это точно! – мрачно говорил третий солдат. – Много здесь ее, соли-то! Целые горы! А человеку ее только и надобно что шепотку. Стало быть, и караулить ее незачем.

– Коль нас сюда приставили, значит, оно так нужно! – пытался возражать сержант Лапоть. – Если бы не было нужно, то и не приставили бы. Там, наверху, знают, что к чему. И коль мы здесь, то, стало быть, на то есть свой резон.

– Ну, так назови нам этот резон, коль ты такой умный и сознательный! – возражали сержанту сразу несколько голосов. – Вот видишь, ты молчишь... Стало быть, и сам ничего не знаешь. Нет уж, на фронт! Вот напишем рапорта с просьбой отправить нас в действующую армию – завтра же! И отправимся!..

– А в родимый колхоз сторожем по причине инвалидности отправиться не желаешь? – возражал на это сержант Лапоть, и в его голосе ощущалась горькая злость и такая же безысходность. – Отвоевались мы подчистую... Или вы позабыли, что нам говорили доктора перед выпиской из госпиталя?

– Помним, – угрюмо соглашались бойцы. – Как не помнить. А только все равно обидно до крайности! Братушки ходят в атаки, а мы, получается, будто на курорте.

Майор Крикунов, конечно, слышал все эти разговоры, тем более что они велись, можно сказать, каждый вечер. По логике, он должен был их пресекать, вести среди бойцов разъяснительную работу, всячески их убеждать, что не зря они приставлены к соляным приискам и буртам соли, что есть во всем этом какой-то высокий смысл и какая-то полезность. Но он слушал солдатские разговоры и молчал. Молчал, потому что и ему самому хотелось того же самого, что и бойцам. Бросить к чертовой матери и эти прииски, и бурты соли, забыть о вереницах автомашин и подвод, уйти куда подальше от нестерпимо синей мертвой воды, нескончаемого

соленого ветра, разъедающего кожу и глаза, – и немедленно отправиться на запад, догнать наступающую Красную армию, а там будь что будет. Хоть рядовым в штрафную роту – майор Крикунов был согласен даже на это. Потому что коль война, то, значит, надо воевать, а не считать подводы с солью.

Горько было Крикунову, и всю свою горечь Крикунов изливал на коменданта. Раз в неделю он приезжал в Ишунь, где располагалась комендатура, и начиналось...

– Вот ты мне скажи! – приставал Крикунов к коменданту. – Я, конечно, понимаю – соль. Без нее невозможно ни на фронте, ни в мирной жизни. Все это так. Но при чем тут я? Вот и мои бойцы тоже нудятся и спрашивают о том же. Ведь ты рассуди: то, что мы делаем, могут делать и гражданские люди! Какие-нибудь учетчики, или как там они именуются... Так нет же, приставили к делу меня! Но ведь я военный, я – майор Красной армии, а не какая-то там учетчица! Как же так? Почему?

– Так ведь соль ты отправляешь не в какую-то рыбацкую артель, а на фронт! – терпеливо возражал Крикунову комендант. – А коль на фронт, то, стало быть, это дело военное. А коль оно военное, то ты к нему и приставлен как военный человек! Как майор интендантской службы! Чем должен заниматься интендант? Снабжением армии. Хоть, предположим, портянками, хоть солью. Вот ты этим и занимаешься по долгу своей службы. И что же тебе тут непонятно?

– Да все мне понятно! – страдальчески кривился Крикунов. – А только все равно обидно! Обидно мне, понимаешь? На фронт бы мне. Без разницы куда, хоть в штрафную роту.

– Ну-ну, – утешал Крикунова комендант. – В штрафную роту ему захотелось, видишь ли! Тут, на Сиваше, тебе и фронт, и штрафная рота. Тем и утешайся. И вообще – для чего ты пошел в интенданты, коль уж так маешься? Шел бы в артиллеристы. Или, скажем, в пулеметчики.

– Это да! – горестно соглашался Крикунов. – Огромную ошибку я допустил в свое время! Да ведь время-то в обратную сторону не повернешь.

– Вот и не страдай, – улыбался усталой улыбкой комендант. – А лучше расскажи в подробностях, как обстоят дела на соляных приисках.

– А! – в отчаянье махал рукой Крикунов.

И выкладывал перед комендантом всю опостылевшую соляную бухгалтерию и арифметику. С этим делом у него все было в порядке – службу Крикунов знал.

– Ну, вот видишь! – ободряюще говорил комендант. – Все у тебя в порядке. Так продолжай и дальше. А бойцов своих приободрить. Найди, понимаешь ли, подходящие слова... Потому что это не дело – разводить в армии унылость. Как ни крути и что ни говори, а все едино – здесь тоже фронт. А значит, что и мы с тобой тоже на фронте. И твои солдатики – тоже. Вот так им и скажи.

Если такие разговоры происходили вечером, то, закончив дела, комендант и Крикунов выходили на крылечко. У коменданта при себе имелась фляжка с водкой. Где он ее добывал, комендант не рассказывал, да Крикунов об этом и не спрашивал. А просто комендант разливал водку в мятые довоенные алюминиевые кружки и начиналась неторопливая беседа. Комендант рассказывал о том, как он воевал в понтонном полку, Крикунов – в какие передраги попадал он. И что с того, что один из них постоянно находился на передовой, а другой – в ближних тылах? Фронт есть фронт: там и передовая, и тылы – понятия относительные. Условные понятия, зыбкие и ненадежные. Сейчас – тыл, а через полчаса – самая что ни есть передовая.

Ну а потом Крикунов прощался с комендантом, садился в дребезжащую легковушку или в кабину грузовика, и нервный шофер вез его обратно – на озеро Сиваш, к соляным приискам.

Глава 4

Ближайшее к линии фронта подразделение Абвера II располагалось в румынском городе Констанца. Это было очень удобно. Никому не было известно, докатится ли сюда фронт, а если даже и докатится, то когда именно. Сам город располагался на берегу Черного моря, и это также было удобно. Абвер II отвечал за подготовку диверсантов и за их заброску на территорию других стран. И в первую очередь, конечно, это была территория Советского Союза. Точнее говоря, та самая территория, которая лишь недавно была освобождена от захватчиков.

В чем именно состояло такое удобство? А в том, что отправлять из Констанцы диверсантов можно было по морю. А море – это не суша. Это на суше диверсионным группам нужно было всячески исхитряться, чтобы миновать линию фронта и потом пробираться по чужой территории, ежеминутно рискуя себя разоблачить, а значит, сорвать тщательно подготовленную операцию.

А море – оно безлюдное. Да, конечно, и на море можно напороться на сторожевой корабль, но сколько их, тех сторожевых кораблей? При удачном стечении обстоятельств их и вовсе можно было не встретить. Особенно в ночное время. Да если и напорешься на такой корабль, то ночная тьма надежно прикроет тебя своим пологом. Да и до советского берега, то есть до крымского побережья, из Констанцы было не так и далеко.

Вот в этом и состояло главное удобство. Тем более что вышестоящее начальство с настойчивостью, переходящей в надоедливость, требовало от руководства подразделения, находящегося в Констанце, конкретных действий. И, разумеется, результатов. Сколько диверсионных групп подготовлено? Сколько их заброшено в советский тыл? Каковы результаты? Отчего групп так мало, а результаты – столь скромны? Или вы забыли, что Красная армия ведет наступление, ежедневно освобождая все новые территории? Не следует об этом забывать! Необходимо всячески противодействовать большевистскому наступлению! В том числе и с помощью заброски в советский тыл диверсионных групп. Диверсии – очень действенное оружие, они ослабляют тылы наступающей армии. А без крепких, надежных тылов успешное наступление невозможно. Констанца – это не безмятежный курорт на теплом морском берегу, здесь также фронт. И ваши успешные действия остановят наступление большевиков и приблизят победу великой Германией!

Ну и так далее. Эти ежедневные и, по сути, пустые напоминания и понукания изрядно раздражали командование группы Абвер II, расположенной в Констанце. Но и отмахнуться от них было невозможно. Тем более что в последнее время дела у группы и впрямь были неважными. Из пяти с неимоверными трудами подготовленных диверсионных групп лишь одна сообщила о том, что благополучно добралась до места. Это была именно та группа, которую отправили на советскую территорию морем. Остальные четыре группы, отправленные по суше, сгинули. Да и группа, отправленная морем, вскоре также перестала выходить на связь.

Одним словом, дела обстояли неважно. И потому необходима была успешная операция. Успешная и громкая. Причем в самое короткое время. Именно об этом и говорили в служебном кабинете начальник группы полковник Пауль Гартман и его заместитель гауптман Бруно Кляйн.

– Хорошо им там давать команды! – ворчал Бруно Кляйн. – Чтобы дать распоряжение, большого ума не надо! А вот чтобы подготовить диверсионную группу, да еще успешно забросить ее в нужное место, да еще чтобы она выполнила задание... Неужели они там, – Кляйн раздраженно указал рукой куда-то вдаль, – этого не понимают? Ведь невозможно ежедневно готовить и засылать все новые и новые группы. Подготовка каждой группы требует времени. Уж это они должны понять?

– У вас плохое настроение? – полковник Пауль Гартман улыбнулся.

– Немногим хуже, чем у вас! – мрачно парировал гауптман.

– Ну, у меня-то с настроением все в порядке! – полковник не переставал улыбаться. – Мы с вами разведчики. А разведчик должен контролировать свое настроение. Всегда и везде! Тем более что наше начальство по большому счету право. В последнее время наши успехи весьма и весьма скромны. Если не сказать большего...

– В последнее время наши успехи скромны не только у нас! – скривился гауптман Кляйн. – Фронт тоже катится на запад, как волна. Того и гляди, эта волна накроет нас!

– А уж это и вовсе никуда не годится! – с отеческим упреком произнес полковник Гартман. – Это называется распространение панических слухов. Вы знакомы с приказом фюрера? Знаете, что грозит тем, кто распространяет такие слухи?

– Я говорю правду! – мрачно возразил Кляйн.

– Правда на войне – это бессмыслица, – сказал Гартман. – Была бы на этом свете хоть какая-то правда, то, может, и войны никакой бы не было. Правда на войне – скверное оружие. Ложь куда надежнее. Запомните это, мой мальчик. И возьмите себя в руки.

– Извините, – буркнул Кляйн.

– Вот так-то гораздо лучше, – примирительно произнес полковник. – Значит, берем в руки привычное для нас оружие и приступаем к боевым действиям. Итак, что у нас нового и утешительного? Какие гениальные мысли посетили вашу светлую голову? Уверен, что ваша голова просто-таки переполнена такими мыслями. Выкладывайте.

– Совсем недавно наша доблестная армия вынуждена была покинуть Крым, – помедлив, начал Кляйн.

– К сожалению, это так, – подтвердил полковник Гартман.

– Мы сейчас находимся в Констанце, – продолжил Кляйн. – Если провести прямую линию между нами и Крымом, то такая линия будет очень короткой... Разумеется, тут нужно учитывать, что эта условная линия пролегает через море.

– То есть вы предлагаете забросить в Крым диверсионную группу через море, – догадавшись, к чему клонит гауптман, нахмурил брови полковник Гартман.

– Именно так, – подтвердил Кляйн.

– Припоминаю, мы уже пытались таким способом забросить диверсионную группу, – скептически произнес полковник. – Правда, не в Крым, а в Одессу, – но какая разница?

– В нашей работе без ошибок не обойтись, – возразил Кляйн. – И если их учесть...

– Продолжайте, – примирительно произнес полковник. – И не обращайтесь на стариковское ворчание внимания. Итак, вы предлагаете забросить в Крым диверсионную группу? Зачем же? Меня интересует конкретная цель. Без всяких лирических нюансов.

– Соль, – коротко ответил Кляйн.

– Виноват, не понял...

– По последним данным нашей разведки, Советы приступили в Крыму к добыче соли. Разумеется, в промышленных масштабах.

– Вот как, – с некоторым удивлением произнес Гартман. – Быстро это у них...

– Быстро, – согласился Кляйн. – Большевики вообще люди действия, что бы про них ни говорили...

– Продолжайте, мой мальчик, – сказал полковник. – Итак, большевики начали в Крыму добывать соль в промышленных масштабах. И что же?

– Разве вы не понимаете, какое значение имеет соль? – с удивлением глянул на полковника Кляйн. – Это не только важный продукт питания. В данном случае это еще и элемент большевистской пропаганды и политики. Вот не успели большевики войти в Крым, как уже приступили к добыче соли. А если к тому же учесть, что других крупных месторождений соли поблизости нет... Это же так очевидно!

– Я очень рад, что вы это понимаете, – полковник Гартман снисходительно улыбнулся. – Разумеется, я это понимаю тоже. Просто мне хотелось узнать вашу точку зрения. Я слушаю вас. Продолжайте.

– Итак, добыча соли – одно из первых успешных действий большевиков в Крыму, – продолжил Кляйн. – Это, если угодно, не только производственный процесс, но и символ мирной жизни. И вот если этот символ уничтожить... Таким способом мы можем добиться многого. Во-первых, нарушится снабжение действующей армии солью. Прошу эти мои слова воспринимать без всякой иронии. Соль – очень важный продукт...

– Я вас внимательно слушаю и ничуть не возражаю, – сказал полковник Гартман. – Больше того – я с вами полностью согласен.

– Так вот, – продолжил Кляйн. – Действующая армия... Кроме того, без соли останется и гражданское население. А это также немаловажный фактор. Основной продукт питания в Крыму – рыба. А что такое рыба без соли? Голодающее мирное население – это наше оружие против большевиков. Это очень действенное и эффективное оружие!

– Я полностью согласен с вами, – поощрительно произнес полковник Гартман.

– Если нам удастся вывести из строя соляные промыслы в Крыму, то это оружие непременно сработает, – пояснил Кляйн. – И в военном, и в политическом смысле. Такова идея.

Гауптман Кляйн умолк и выжидательно уставился на полковника. Гартман же какое-то время молчал. Он размышлял.

– Что ж, идея хороша, – сказал наконец он. – Хороша как теория. Ну а что на практике? Я так понимаю, что у вас имеются и практические соображения?

– Разумеется, – ответил Кляйн.

– Выкладывайте – причем во всех подробностях, – велел полковник. – Вы же знаете, как я ценю подробности. Именно в них и кроется суть любого дела.

– Нашими специалистами разработана специальная операция под названием «Соленый шторм», – сказал Кляйн.

– Название – по существу, – одобрил полковник. – Но название – это только слова. Важна суть.

– Разумеется, – кивнул Кляйн. – А суть такова...

Глава 5

Старший лейтенант Красной армии Иван Гадюкин попал в плен в начале сорок третьего года. Точнее сказать, в конце февраля. Нет, он не сдался добровольно, он сражался до конца. А конец был таков: в окоп, где находился Иван, угодил вражеский снаряд. Каким-то чудом Ивана не задело осколками, его лишь оглушило взрывом, и он потерял сознание. Очнулся же он от человеческих голосов. Говорили на немецком языке. Так Иван Гадюкин попал в плен.

Его не расстреляли, хотя он и был командиром Красной армии. Его отправили в концентрационный лагерь. Лагерь, насколько уяснил Иван, располагался на территории Румынии. Как и все прочие пленные, Иван ожидал смерти. Что можно еще ожидать в концлагере, кроме смерти? А умирать он не хотел. Он надеялся выжить любым способом. И вскоре возможность выжить ему представилась.

Да, конечно, это было предательство. Но Иван Гадюкин особо не размышлял на эту тему. Он был напуган и подавлен, ему хотелось жить.

А способ был таков. Однажды утром, а была уже вторая половина апреля, всех пленных выстроили на плацу. Для чего – до поры до времени никто из пленных не знал. Томясь в неизвестности, пленные простояли на плацу больше часа. А затем перед ними возникли какие-то странные люди. Это не были немцы – они говорили на чистом русском языке. Как скоро догадались пленные, это и впрямь были русские, но эти русские сотрудничали с немцами и хотели завербовать в свои ряды пленных. О чем они и сообщили пленным с присовокуплением, понятное дело, всяческих заманчивых обещаний. И главным обещанием было то, что пленные таким образом сохранят себе жизни.

Мало кто из пленных поддался на эти льстивые и вероломные обещания. А вот Иван Гадюкин поддался. В числе немногих добровольцев он сделал три шага вперед.

Тех, кто вышел из строя, сразу же усадили в грузовик и под конвоем куда-то повезли. Куда именно, никто, разумеется, не знал. Никто из пленных даже предположений на этот счет не строил. А просто они сидели в грузовике, рядом сидели настороженные немецкие солдаты с оружием, а грузовик все ехал и ехал... Не было даже возможности определиться, по какой местности они едут: кузов грузовика был покрыт тентом.

Наконец грузовик остановился. Пленным велели выгружаться. Была ночь. Невдалеке темнели какие-то здания. В одно из таких зданий пленных и загнали. Внутри здания горел тусклый свет, а вдоль стены тянулись одноярусные деревянные нары. Причем с каким-то пододбием постели. На эти-то нары уставшие пленные и упали.

Но уснуть им не дали. Вскоре в помещение вошли какие-то люди в немецкой военной одежде, но без знаков различия. Они принесли ужин – кашу в большом баке, нарезанный хлеб и даже чай в алюминиевых кружках.

– Во как! – попытался пошутить кто-то из пленных. – Оказывается, нас тут ждали! Вот даже стол накрыли! Не хватает только выпивки!

Но никто не поддержал разговора. Пленные молча проглотили ужин и вновь улеглись на нары.

До утра их никто не тревожил. Утром все те же молчаливые люди принесли завтрак.

– Слышь, мужики! – спросил их кто-то из пленных. – Вы – кто? Свои? Чужие?

Пришедшие ничего не ответили, но по их взглядам было видно, что они поняли вопрос. Значит, свои. Скорее всего, также из числа пленных.

– Ну, чего молчите? – не унимался любопытствующий пленный. – Ведь понимаете же русский язык! На ваших рожах написано, что понимаете. Скажите хотя бы, как называется это заведение. Куда нас привезли?

– На курорт, – ответил один из баландеров. – Разве не видно?

– И что на этом курорте? – спросил на этот раз Иван Гадюкин. – Как климат?

– Сплошь солнечные дни, – ухмыльнулся баландер. – И вообще все тридцать три удовольствия!

На том разговор и закончился. Баландеры раздали кашу и хлеб и вышли.

– Чувствую, стребуют господа немцы с нас за свою кашу! – сказал кто-то из пленных. – По полному счету!

– А зачем же ты согласился на их уговоры? – огрызнулся другой пленный. – Подыхал бы в лагере. Никто тебя сюда силком не тащил.

На этом разговор и закончился.

Вскоре кое-что начало разъясняться. За дверью раздались шаги и зазвучала немецкая речь. В помещение вошел какой-то человек в форме немецкого офицера и с ним несколько вооруженных солдат. Увидев вошедших, пленные вразнобой и с некоторой опаской стали подниматься с нар. Какое-то время офицер с молчаливым прищуром смотрел на пленных, переводя взгляд с одного пленного на другого, а затем заговорил. Причем на русском, почти чистом, языке.

– Я – обер-лейтенант немецкой армии, – четко выговаривая слова, произнес он. – Моя фамилия Манн. Здесь – не просто расположение немецкой армии. Здесь – Абвер. Точнее – Абвер два. Мы занимаемся подготовкой и засылкой в советский тыл диверсионных групп для выполнения важных задач.

После таких слов пленные, которых здесь было не менее тридцати человек, зашевелились. Разумеется, обер-лейтенант Манн обратил на это внимание.

– Насколько мне известно, каждый из вас изъявил добровольное согласие сотрудничать с Германией, – сказал он. – Я не ошибаюсь?

Никто из пленных на это не проронил ни слова, да и что было говорить? Да, все они здесь оказались по своей воле. Им предложили, они – согласились.

– Отлично, – сухо произнес обер-лейтенант Манн. – Если есть вопросы – задавайте. Я на них отвечу.

– У меня есть вопрос, – сказал Иван Гадюкин.

– Спрашивайте! – отрывисто произнес обер-лейтенант.

– Вы сказали – выполнение важных задач в советском тылу... – не совсем уверенно начал Гадюкин.

– Да, – бесстрастно отчеканил обер-лейтенант.

– Каких именно задач? В чем они будут заключаться?

– Самых разных, – ответил немецкий офицер. – Подробности каждый из вас узнает в свое время. Еще вопросы?

Больше вопросов не было.

– Отлично, – сказал Манн. – В таком случае каждого из вас сейчас отведут для специальной беседы. Беседовать с вами будут наши специалисты – с каждым отдельно. Советую говорить исключительно правду. То есть ничего не скрывать, не преувеличивать и не приуменьшать. Вы должны создать о себе положительное впечатление. В противном случае ваши услуги нам не понадобятся. Я понятно сказал?

После таких слов пленные вновь зашевелились и даже перекинулись друг с другом словами.

– Вижу, все вы поняли меня правильно. – Губы обер-лейтенанта Манна дернулись в едва заметной усмешке. – Вы, вы, вы и вы, – указал он на четверых пленных, – ступайте за мной. Остальным – ждать.

* * *

Ивана Гадюкина вывели в третьей партии. Вместе с ним вывели еще пятерых пленных. Их провели по просторному двору, окруженному высокими каменными стенами. Что находилось за стенами, Гадюкин, конечно, не видел. Зато он ощутил запахи. Пахло влажным ветром и как будто бы морем. Да-да, именно так – морем. Гадюкин знал, как пахнет море, он родился и вырос в одном из поселков, расположенных на берегу Азовского моря.

Итак, море. Правда, что это было за море, Гадюкин не знал. Но об этом нетрудно было догадаться. Конечно же, Черное. Других морей поблизости просто нет. А страна, в которой он сейчас пребывал, – все та же Румыния. Причем южная ее часть. Потому что относительно тепло и совсем нет снега. А на дворе всего лишь середина апреля. Да, так оно и есть, Румыния. Лагерь, в котором до этого находился Иван Гадюкин, располагался в Румынии. Везли их из лагеря недолго, всего лишь один день. Значит, далеко увезти не могли.

По сути, такие размышления ничего не давали Гадюкину. Море так море, Румыния так Румыния. Какая разница? Здесь важны были сами размышления, а не их результат. Когда знаешь, где находишься, – это успокаивает. Это все равно что слепому прозреть. Зрячий всегда чувствует себя уверенней, чем слепой.

Пленных завели в помещение с длинным коридором. Здесь их разделили. Ивана Гадюкина завели в какое-то подобие кабинета, а куда повели других пленных, того Иван уже не видел. В кабинете находились двое. Оба были одеты в немецкую военную форму без погон и прочих знаков различия. Такую одежду Иван Гадюкин уже видел на тех людях, которые вчера вечером и сегодня утром кормили пленных кашей. Иван остановился у дверей, не зная, что ему делать дальше.

– Проходи, присаживайся, – на чисто русском языке произнес один из хозяев кабинета. – А то робкий ты какой-то. Такие нам без надобности. Нам нужны смелые и отчаянные.

– Для выполнения важных заданий в советском тылу, – проговорил другой мужчина. – Манн тебе уже говорил об этом?

– Да, – хрипло отозвался Гадюкин. – Говорил...

– Ну а теперь об этом же поговорим с тобой и мы, – сказал один из мужчин. – Но подробнее. Мы будем спрашивать, а ты – отвечать. Причем подробно и без вранья. Поймаем на вранье – прости-прощай, дорогой товарищ, – насмешливо сказал мужчина, сузив глаза. – Уразумел?

– Да, – кивнул Гадюкин. – Тот офицер... Манн... тоже говорил об этом.

– Правильно говорил, – все так же насмешливо и с прищуром произнес мужчина. – Мы здесь все говорим друг другу правду. Только правду и ничего другого. Потому что где правда, там и порядок. А немцы уважают порядок. Это тебе не колхоз «Красный рассвет». Уразумел?

– Да, – сказал Гадюкин.

– Тогда для начала познакомимся поближе, – сказал мужчина. – Я – Кулак, он – Локоть. Так нас и зови. Ты хочешь что-то спросить?

– Хочу, – кивнул Гадюкин.

– Ну, спрашивай...

– Вы – русские?

– Африканские, – хрипло рассмеялся тот, которого велено было называть Кулаком. – Важно другое – кто таков есть ты. А про нас нам все и так известно. Как кличут тебя?

– Иван Гадюкин, – ответил Иван.

– Во как – Гадюкин! – насмешливо произнес Кулак. – Хорошая фамилия... Давно в плену?

– Недавно...

– Кем был в Красной армии? – спросил на этот раз Локоть.

- Старший лейтенант, командир взвода.
- Во как! – еще раз произнес Кулак. – Целый старший лейтенант! А то все рядовые да рядовые! Будто бы Красная армия состоит из одних только рядовых! Давно на войне?
- С самого начала.
- В плен-то как попал? – спросил Локоть. – Небось будешь говорить, что сдался добровольно! Все так говорят...
- Оглушило взрывом, – признался Гадюкин. – А когда очнулся – рядом немцы...
- Что ж тебя не прикончили на месте? – хмыкнул Кулак. – Ведь как-никак командир Красной армии. Таких, я слышал, в плен не берут.
- На это Гадюкин лишь молча пожал плечами.
- Ну а к нам какой волной тебя прибило? – спросил Кулак. – Что ж ты не умер в лагере героической смертью, как велят красные комиссары? А, понимаю! Наверно, ты сызмальства лютой ненавистью ненавидел советскую власть! И вот решил с нею поквитаться. Я правильно говорю?
- Жить хочу, вот и прибило, – хмуро сказал Гадюкин.
- Что ж, причина уважительная! – В голосе Кулака послышалась насмешка – впрочем, не злая, а вполне беззлобная. – Жить, конечно, все хотят. Как это говорится у вашего писателя... не помню, как его фамилия? Жизнь дается человеку один раз... что-то вроде того. Читал?
- Не читал, – коротко ответил Гадюкин.
- Что ж – советскую власть уважаешь, а правильных книжек не читаешь? – Кулак встал и с хрустом потянулся. – Это непорядок! Куда только смотрят ваши комиссары? Ты – кадровый военный или как? – Кулак резко и внезапно переменял тему разговора.
- Нет, не кадровый, – ответил Гадюкин.
- А как же выбился в командиры?
- Образование у меня, – сказал Гадюкин. – До войны окончил строительный техникум. Оттого, наверно, и определили командиром саперного взвода.
- А, так ты сапер!
- Да, сапер.
- Значит, и с подрывным делом знаком?
- Знаком.
- Это хорошо... – Кулак неспешной походкой прошелся по тесному кабинету. – Если, конечно, ты не врешь.
- Это легко проверить, – отозвался Локоть. – Тут соврать не так-то и просто.
- В самом деле, – согласился Кулак. – Что ж, проверим... Да вот только это не самое главное. А главное в том, вдруг ты, землячок, совсем не тот, за кого стараешься себя выдать? – Кулак остановился напротив Гадюкина и, состроив свирепое лицо, глянул ему в глаза.
- Ни за кого я себя не выдаю, – пожал плечами Гадюкин.
- А ты это докажи!
- Это вы должны доказывать, а не я, – сказал Гадюкин.
- Храбрый, да? Грамотный? А если докажем?
- Гадюкин ничего не сказал. Помолчали.
- Ладно, – наконец проговорил Локоть. – Чем мы тут занимаемся – слышал?
- Да, офицер говорил...
- И что же, ты согласен? – спросил Локоть.
- Согласен на что? – не понял Гадюкин.
- Отправиться в советский тыл и что-нибудь там взорвать. Или кого-нибудь застрелить, – пояснил Локоть. – Короче, совершить диверсию.
- Согласен, – глухо ответил Гадюкин.

– Глянь, Локоть, он – согласен! – хмыкнул Кулак. – Все вы, пока здесь, согласны, а как дойдет до дела... Или, может, ты считаешь, что мы не знаем твоих потайных думок? Еще как знаем! Вот ты сейчас размышляешь: соглашусь, мол, для видимости, а когда попаду на советскую территорию, так сразу же и сдамся НКВД! А коль добровольно сдамся, то Советы и простят. И проведу я таким-то макаром дураков немцев в два счета! Я правильно угадал твои мысли? Можешь даже ничего мне и не отвечать. Я и без того знаю, чем вы все дышите и что вы думаете. Много вас здесь перебивало! А потому мы всех вас видим насквозь! И ваши думки нам известны!

Кулак умолк, примостился на подоконник и забарабанил пальцами по стеклу.

– Перед тем как отправлять тебя в советские тылы, – сказал Локоть, – мы возьмем с тебя подписку о сотрудничестве. И еще ты дашь устное согласие сотрудничать с Германией, а мы снимем его на кинокамеру. Чтобы у тебя, значит, не возникало никаких иллюзий насчет того, что НКВД тебя примет, обнимет и простит. Предательство энкаведэшники не прощают. Сам, наверно, слышал...

– А и это еще не все, – проговорил Кулак. – Недавно в Красной армии появилась одна интересная контора... Называется – СМЕРШ. Что означает смерть шпионам. Слышал о такой?

– Нет, – сказал Гадюкин.

– А это и не важно – слышал ты или не слышал, – махнул рукой Кулак. – Главное, что она есть. Смерть шпионам! То есть они там будут бороться с вашим братом шпионом и диверсантом. Как бороться? Расстреливать на месте без суда и следствия. Сталин так и сказал – никакой пощады! Так что оставь свои думки насчет братских объятий в НКВД. Не будет тебе никаких объятий и никакого прощения.

Сообщение о неведомой Гадюкину службе, название которой СМЕРШ, произвело на Ивана должное впечатление. Можно даже сказать – угнетающее впечатление. Конечно, вполне могло стать, что эти двое – Кулак и Локоть – лгали, чтобы запугать Гадюкина. А если не лгали? Тогда получается, что действительно – нет Гадюкину никакого возврата. Даже если бы он того и хотел. Но что ж поделать... Жизнь у человека и в самом деле одна. И не желает он, Иван Гадюкин, умирать по собственной воле. Он хочет жить. Кто может его осудить за это? Только он сам себя. А он не желает себя судить. Он хочет жить.

Глава 6

Ивана Гадюкина зачислили в отряд диверсантов. Теперь он был уже не пленным, а курсантом. Его одели в форму немецкого солдата – разумеется, без каких-то знаков отличия. Вместе с ним курсантами стали и другие пленные. Правда, не все, а чуть больше половины из числа тех, кого привезли из лагеря. Куда подевались остальные, Гадюкин не знал, да его это и не интересовало.

Жили все курсанты в том же самом помещении с нарами, куда их поместили в первую ночь. Вернее сказать, ночевали, да и то не всякую ночь. Потому что все дни и большая часть ночей были заняты учебой. Курсантов обучали взрывному делу, учили обращаться с рацией, действовать ножом, стрелять в любых условиях и из любого положения и многим другим шпионским премудростям. Конечно, большую часть всех этих наук курсанты, так или иначе, знали и без того. Как-никак все они в недалеком прошлом были солдатами, воевали. Но тут их готовили не к атакам и не к окопным сражениям, а натаскивали на совсем другие дела. Ну а где другое дело – там и своя особая специфика.

Отдельным пунктом учебной программы было обучение умению обращаться с различными ядами. Здесь, конечно, также были свои хитрости, тонкости и премудрости. Учили и другим хитрым наукам – всего вот так запросто и не перечислишь.

Диверсантская школа находилась в румынском городе Констанца. Можно сказать, что Иван Гадюкин с самого начала правильно определил место своего пребывания. Тут тебе и теплый климат, и море, и прочие условные радости курортного морского побережья.

Впрочем, никаких конкретных удовольствий от своего пребывания в Констанце курсанты не испытывали. Что с того, что здесь – море и курорты? Все равно их не выпускали за пределы учебного центра. Хотя многие курсанты о том и намекали, и просили у начальства открытым текстом. Но получали неизменный ответ: диверсантские курсы – ускоренные, впереди предстоит сложная работа, а потому не время разгуливать по пляжам и прочим увеселительным местам.

Единственное удовольствие, которое изредка позволялось курсантам, – это выпивка. Да и то нечасто и не сказать чтобы в больших количествах. А так – лишь от случая к случаю и в умеренных дозах. А потому от такой выпивки и радости-то особой не было. Но от нее не отказывались, потому что – чем еще можно было скрасить однообразное существование и унять постоянные тревожные думы?

А думы были. Тяжкие, гнетущие, выматывающие душу, не дающие по ночам спать, вызывающие озлобление непонятно к кому и по какому поводу... Никто не говорил курсантам конкретно, что их ожидает в недалеком будущем. Намекали лишь, что они должны быть готовы к выполнению задания в любой час и миг. А вот какого именно задания, в какой стороне и местности – того им никто не говорил.

И это угнетало пуще всего. Неизвестность – она всегда угнетает.

* * *

В один из таких вечеров, когда курсанты сидели в своей казарме и, разбившись на мелкие компании, пили спиртное или просто лежали на нарах и курили, уставившись в потолок, к Ивану Гадюкину подошел один из курсантов по прозвищу Петля.

В диверсантской школе никто не называл друг друга по именам, а лишь по прозвищам. Таков был приказ – накрепко забыть не только настоящие имена друг друга, но и, если удастся, даже свое собственное имя. Большинство и позабыли или старательно делали вид, что поза-

были. Все называли друг друга только по прозвищам: и курсанты – друг друга и начальство – курсантов. У самого Ивана Гадюкина прозвище было Змея. Как говорится, по существу.

– Лежишь? – спросил Петля у Гадюкина.

Гадюкин покосился на Петлю и ничего не ответил, потому что вопрос был риторическим. Да, он лежал, поместив на спинку нар ноги, обутые в немецкие солдатские сапоги, курил и думал. А можно сказать, что и не думал. Потому что все думы уже были передуманы, а возвращаться к ним раз за разом было тошно и маетно.

– Может, выпьем? – спросил Петля. – У меня при себе имеется... Вот, видал! – Он вытащил из кармана причудливой формы бутылку из темного стекла. – Видал? Должно быть, какая-нибудь заморская гадость, но куда деваться? Настоящей русской водки здесь не сыщешь. Приходится привыкать ко всякой дряни. Ну так тебе налить?

– Наливай, – подумав, сказал Гадюкин, садясь на нарах. – В принципе, мне все равно – пить или не пить...

– Маешься? – прищурился Петля. – Вот и я тоже маюсь. Да что поделаешь? Впряглись в ярмо – значит, надо тянуть. А то ведь спровадят на живодерню. У них это быстро...

Гадюкин на это ничего не сказал. Выпили.

– А закусывать это безобразие полагается шоколадом, – сказал Петля. – Вот он, шоколад. С немецкими буквами на обертке. Ну, не паскудство ли – вся эта европейская культура? То ли дело наша родимая горькая! Да квашеная капуста к ней в придачу! Эх!

Выпили еще по одной. Гадюкин раздраженно повертел в руках шоколадку и отшвырнул ее в сторону.

– Вот и я такого же мнения обо всем этом деле, – смутно выразился Петля. – А как подумаю, что, может, нынешней же ночью предстоит отправляться на какое-то задание – будь оно неладно, – так и вообще... Хоть пулю себе в лоб пускай!

– Ну, так и не отправляйся, – равнодушно произнес Гадюкин. – Откажись. И получишь свою пулю, коль уж ты ее так желаешь.

– Ну да, ну да... – с прежней, подспудно раздражающей Гадюкина неопределенностью произнес Петля. – Откажись... Сказать-то оно легко, да вот сделать – трудно. Тут, знаешь ли, надо действовать похитрее... Половчее тут надо быть – вот как я считаю...

Гадюкин лишь покосился на Петлю, но промолчал. Не нравился Гадюкину этот разговор и сам Петля ему тоже не нравился. Какой прок был в таком разговоре? А между тем Петля для чего-то его начал. Может, с каким-то умыслом и дальним прицелом? Или Петля затеял разговор лишь затем, чтобы облегчить собственную душевную маету? Могло быть и такое. А могло быть еще и что-то третье, о чем Гадюкин даже не догадывался. Оттого-то разговор, затеянный Петлей, ему и не нравился.

– И зачем ты мне это говоришь? – спросил Гадюкин. – Хочешь быть хитрым и ловким – ну, так и будь. Это дело твое. Я-то тут при чем?

– А вот при чем... – Петля приблизился к Гадюкину почти вплотную да еще и воровато оглянулся по сторонам – не подслушивает ли их кто-то из посторонних. Но поблизости никого не наблюдалось, никто на них не обращал никакого внимания. – Вижу, мужик ты правильный и надежный. И маешься точно так же, как и я. Вот мне и подумалось... Не завтра, так послезавтра нас начнут отправлять на задания. Кого – подальше, кого – поближе... Тебя как бывшего командира назначат старшим группы. Ты сам слышал: наши начальники так и говорят. Кто в Красной армии был в командирах – тому быть старшим группы.

Гадюкин вновь улегся на нары.

– Так и что с того?

– А вот что! – зашептал Петля. – Ты возьми меня в свою группу! Скажи: так, мол, и так, мне надобен Петля. С ним у меня полное взаимопонимание. Понятно, что тебя послушают и включают меня в твою группу. И мы вместе отправимся туда...

– И что же? – Гадюкин повернулся на бок. Кажется, он начинал догадываться, что ему дальше скажет Петля.

– Слышь, Змея! – зашептал Петля. – Да ты не отворачивайся, ты вникни в мои слова! Я говорю дело! И так, мы с тобой отправимся туда... И вместе придумаем, как нам быть дальше! Ведь мы никого покамест не убили, ничего не взорвали и не подожгли! А потому мы пока что чистые перед советскими законами! Чистые! Вот мы и явимся с повинной, да еще и с ценными сведениями. Расскажем там об этой диверсантской школе... Неужто нас не простят? А я так думаю, что простят!

– А СМЕРШ? – нарочито ленивым голосом спросил Гадюкин. – Неужто ты не слышал о СМЕРШе?

– А что СМЕРШ? – спросил Петля. – Может, и нет никакого СМЕРШа. Может, нам сказали неправду.

– А если СМЕРШ все же есть?

– А и что с того? Разве там не люди? А коль так, то поймут и простят. Ну, так как же?

– Что как? – глянул на Петлю Гадюкин. – Ты о чем?

– Берешь меня в свою группу? А уж там мы что-нибудь придумаем... Выпросим, так сказать, прощение у матери-Родины.

Гадюкин не стал отвечать на этот вопрос. Да и что тут было отвечать, коль и без того все было ясно-понятно? Не зря и не случайно затеял Петля этот скользкий, двусмысленный разговор. Это не просто сам по себе разговор, это провокация. А коль провокация, то и сам Петля – провокатор. Подосланный, допустим, тем же обер-лейтенантом Манном или, может статься и такое, Кулаком и Локтем. Для чего – тоже понятно. Чтобы проверить Гадюкина и уразуметь, чем он дышит, что думает, что намеревается делать, насколько он надежен для своих хозяев...

– Вали-ка ты отсюда! – Гадюкин рывком сел на нарах. – Ты меня слышал? И чем быстрее, тем лучше! А то ведь...

– Ты это чего? – уставился на него Петля. – Что так резко-то?..

– Сказано – вали! – свистящим полупшепотом повторил Гадюкин. – А то ведь свистну сейчас на всю казарму!.. Вот скажу, провокатор! И знаешь, что будет потом? До утра не доживешь!

– Не надо шуметь, – скривился в усмешке Петля. – Провокатор... Ну, провокатор. А что мне оставалось делать? Что, меня кто-то спрашивал, хочу или не хочу я быть провокатором? Вызвали, приказали... Так, мол, и так, прощупай того, которого кличут Змеей. Задай ему пару вопросов. Ты сам посуди – мог ли я отказаться? Слова «нет» здесь не понимают и не принимают. Сам знаешь... Так что не надо шуметь. А то ведь и вправду удавят ночью.

– И кто же тебе приказал? – спросил Гадюкин.

– Кулак с Локтем, кто же еще? А им, я думаю, еще кто-то. Например, тот же Манн. А насчет провокатора... Завтра прикажут тебе – и ты тоже станешь таким же провокатором. А может, уже и приказали, откуда мне знать? Мы здесь все провокаторы. Я копаю под тебя, ты – под меня... Ну, так я пойду?

Гадюкин ничего не ответил, лишь махнул рукой. Петля, грустно хмыкнув, удалился.

Глава 7

Задание Гадюкин получил на следующий день после разговора с провокатором Петлей. Сразу же после завтрака к нему подошел Кулак и сказал:

– Что, попил хозяйского кофе? Вот и хорошо. А теперь пошли со мной.

– Куда? – не понял Гадюкин.

– Куда надо, – лениво произнес Кулак и сплюнул.

– Так ведь сейчас развод на занятия, – пожал плечами Гадюкин.

– Сказано: пошли со мной, значит, пошли, – все так же лениво проговорил Кулак. – Велено доставить тебя немедленно.

Гадюкин пошел за Кулаком. Тот привел его в незнакомое помещение, где Иван никогда до этого не был. В помещении находились обер-лейтенант Манн и еще какой-то незнакомый Гадюкину офицер с погонами майора.

– Вот, – сказал Кулак, обращаясь к Манну и майору одновременно. – Это и есть курсант Змея...

– Хорошо, – сказал Манн.

Кулак вышел, а Гадюкин остался. На него молча и в упор смотрели обер-лейтенант Манн и незнакомый майор. Молчал и Гадюкин. Курсанты не имели права первыми задавать вопросы – таково здесь было правило.

– Мы вами вполне довольны, – наконец произнес Манн, обращаясь к Гадюкину. – Вы проявляете усердие, неплохо усваиваете программу. Кроме того, вы сообразительны и находчивы. Вот разоблачили курсанта Петлю... И разговор с ним построили вполне грамотно.

– Почему вы не донесли на курсанта Петлю? – неожиданно спросил майор. Он спрашивал по-русски, с едва уловимым акцентом. При этом он говорил, почти не разжимая тонких губ, так что поневоле казалось, будто голос звучит у него откуда-то изнутри, как у балаганного чревовещателя. – Вы должны были донести...

– А зачем доносить на подсадную утку? – пожал плечами Гадюкин. – Вот если бы он не был провокатором, а в самом деле хотел сделать то, что мне предлагал, то я, конечно же, донес бы. А так... Доносить на провокатора, что он провокатор? Вы и без того это знаете.

– А что, его и вправду могли придушить ночью? – спросил майор.

– Могли бы, – спокойно ответил Гадюкин.

– Почему? – коротко спросил майор.

– Потому что он провокатор, – так же спокойно ответил Гадюкин. – Что же еще делать с провокатором? Своих предавать нельзя. Это нехорошо...

Майор и Манн переглянулись.

– Что ж, – после короткого молчания сказал майор. – Теперь к делу. Мы хотим поручить вам ответственное задание. Что вы на это скажете?

Гадюкин понимал: все, что сейчас ему говорили Манн и незнакомый майор, – это тоже проверка. Можно сказать, решающий и завершающий этап проверки. Иначе кто бы у него стал спрашивать, желает он или не желает отправиться на какое-то там задание? Просто приказали бы, и все тут. Нет же, спрашивают... Ну а коль спрашивают, то, значит, проверяют. И потому тут многое зависит от того, что Гадюкин скажет в ответ и как себя поведет. От этого зависит многое – возможно даже, вся дальнейшая его судьба.

– Я готов, – спокойно ответил Гадюкин.

Майор и Манн вновь переглянулись, а затем майор сказал:

– Мы хотим назначить вас старшим группы. Дело очень серьезное. В случае успеха вы вправе будете рассчитывать на нашу благодарность. В случае провала основная тяжесть ответственности также ляжет на вас. Хочу, чтобы вы осознали это в полной мере.

– Я понимаю, – сказал Гадюкин.

– Хорошо, – все так же не разжимая губ, произнес майор и вновь обменялся взглядом с обер-лейтенантом Манном.

Манн тотчас же вышел из помещения и вскоре вернулся, но не один, а с пятью курсантами. Одним из вошедших курсантов был Петля, и это Гадюкину не понравилось. Но что он мог поделаться и что сказать?

– Итак, вы – старший группы, – сказал майор. – А эти пятеро – члены группы. Ваши подчиненные. Повторюсь: задание – ответственное, поэтому мы постарались отобрать лучших курсантов. Кстати, вы ничего не имеете против того, что в состав группы входит курсант Петля?

– Ничего, – ответил Гадюкин.

Он понимал, что такой вопрос майора также был частью проверки. Может быть, последним штрихом проверки, завершающей ее частью.

* * *

Обер-лейтенант Манн, выполнив свою задачу, вышел. В помещении остались майор, Гадюкин и четверо курсантов, входивших в диверсионную группу, которую должен был возглавить Гадюкин. Разумеется, все они Ивану были знакомы. Имен их он не знал, а вот прозвища знал. Крот, Хитрый, Серьга и Жених. Ну и, понятно, Петля. Четверо были русскими, Жених был то ли узбеком, то ли татаринном – этого Гадюкин в точности не знал.

– Теперь я расскажу вам о задании, – сказал майор.

...Задание было таково. Диверсионная группа должна была в ближайшее время проникнуть на территорию Крыма. Проникнуть через море. Это самый короткий и самый безопасный путь. Констанца – на одном берегу моря, а Крым – на противоположном. За одну ночь, конечно, это сделать не удастся, поэтому план высадки на крымский берег таков. В первую ночь группа, замаскировавшись под рыбаков, на рыболовецкой шхуне подплывает как можно ближе к крымскому берегу, но не слишком близко, а оставаясь в нейтральных водах. Во вторую ночь шхуна подплывает к берегу Крыма и группа высаживается на берег. Причем операцию по высадке нужно провести быстро, так как сейчас июнь, а июньские ночи коротки.

Понятно, что высадится группа на берег не с пустыми руками, а с оружием, взрывчаткой, рацией и прочим снаряжением. Все это нужно для выполнения задания.

Задание же заключается в следующем. На севере Крыма расположено озеро Сиваш: оно отделяет полуостров от материка. На берегу озера находятся соляные промыслы. Иначе говоря, там добывают и хранят соль. Задача группы – любыми путями помешать добыче соли. Все, что можно, уничтожить и вывести из строя. Запасы готовой соли – также уничтожить. Или сделать соль непригодной к употреблению. Для этого у группы будет все необходимое. Для уничтожения соляных промыслов – взрывчатка, для порчи соли – специальный яд. И со взрывчаткой, и с ядом курсанты работают обучены, а потому главная задача – удачно употребить взрывчатое вещество и яд в дело.

Сказав все это, майор умолк, дожидаясь реакции диверсантов на его слова. И реакция тут же последовала. Курсанты зашумели. Майор внимательно за ними наблюдал и ждал вопросов, которые вскоре последовали.

– Соль... – с некоторым недоумением произнес Гадюкин. – Вы сказали, что это важное задание...

– Да, – ответил майор. – Вам нужны дополнительные пояснения?

Все диверсанты разом кивнули.

– Здесь все просто и понятно, – сказал майор. – Соляные промыслы в Крыму – единственные на огромной территории. Отсюда солью снабжается армия, а также гражданское население. Соль в сложившейся обстановке является стратегическим товаром. Если не будет соли...

Кажется, в вашей истории уже было такое явление – соляные бунты. – Майор усмехнулся. – Народ поднял кровавое восстание, когда его лишили соли. Пускай он поднимет еще одно восстание. Вы понимаете, что означает массовое недовольство во вражеском тылу? Вижу, понимаете. В этом и есть важность вашего задания.

Майор умолк. Молчали и диверсанты. Помолчав, майор продолжил. Разумеется, в первую очередь диверсанты должны рассчитывать на самих себя. Но будут у них и помощники на местах. Немецкая разведка, уходя под натиском советских войск из Крыма, оставила на полуострове множество замаскированных шпионов и диверсантов, которые в данный момент ждут соответствующей команды. Поступит такая команда – и они начнут действовать во благо немецкой армии. Такие шпионы и диверсанты таятся по всему Крыму – в том числе и в тех местах, где добывается соль. Задача диверсантской группы – найти их и в случае надобности подключить к выполнению задания. Кто именно эти люди, как лучше их найти, а также пароли, группа узнает чуть позже.

А пока нужно запомнить главное. Оказавшись в Крыму, действовать нужно разумно и осторожно. Необходимо как можно ближе подобраться к соляным промыслам, а дальше – все будет зависеть от обстановки и ситуации. Маскировка, осмотрительность, целеустремленность – все это должно быть на самом высшем уровне. У каждого должна быть тщательно продуманная, правдоподобная легенда. И, разумеется, соответствующие документы, подтверждающие такую легенду.

Здесь майор опять умолк, вновь ожидая, что диверсанты станут задавать вопросы. Вопросы, конечно же, последовали, и касались они в первую очередь легенд и документов.

– Наша разведка сообщает, – сказал майор, – что в настоящее время на соляные промыслы прибывает множество уполномоченных из числа гражданских лиц, чтобы договориться о поставках соли. Соль, как видите, нужна многим... Так вот: лучшая легенда – если вы будете выдавать себя за таких уполномоченных. По-советски они, кажется, именуются снабженцами или толкачами. Не забыли еще такие слова? – Майор вновь усмехнулся. – Документы мы вам подготовим. Таким образом, у вас будет законное основание в любое время появляться на соляных промыслах, не вызывая при этом подозрения. Кстати, операция, которую вам поручено выполнить, называется «Соленый шторм».

– Какая разница, как она называется! – впервые за все время беседы с майором решился возразить Гадюкин.

– Название операции – очень важный момент! – назидательно произнес майор. – Это означает, что операция серьезная. А за серьезной операцией следит множество глаз. И ответственность за ее невыполнение тоже серьезная. Вы все должны иметь это в виду.

– У меня вопрос, – отозвался один из диверсантов по прозвищу Крот. – После того как мы выполним задание, что нам делать дальше?

– Вы докладываете о выполнении задачи по радиации, мы назначаем вам место и время, откуда вас заберут, и вы возвращаетесь на базу за получением заслуженных наград. – Майор в третий раз позволил себе усмехнуться.

А дальше началась подготовка к операции – тщательная, дотошная, выматывающая нервы и душу. Длилась она двое суток. За это время Петля неоднократно пытался заговорить с Гадюкиным.

– Ты не держишь на меня зла? – в очередной раз спросил он.

– Это за что же? – ответил вопросом на вопрос Гадюкин.

– За мою провокацию – за что же еще?

– Не ты, так кто-нибудь другой, – равнодушно ответил Гадюкин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.